



Н. А.  
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

## Литературные опасения за кое-что

«Явилась *История государства Российского*, сочинение Карамзина. Никогда не отдавал ей издатель В. Е. никакой справедливости, называл других журналистов солдатами, которые отдают честь проезжающему генералу (В. Е. 1818 г., XVIII, с. 125), точно так же, как называл он Карамзина за его записку о достопамятностях московских – *плаксивою пташкою ...*»

# Содержание

*** .....	.0005
Примечания .....	.0006

**Николай Алексеевич  
Полевой  
Литературные опасения за  
кое-что[1]  
*(Все на свете суета)***

Явилась *История государства Российского*, сочинение Карамзина. Никогда не отдавал ей издатель В. Е.[2] никакой справедливости, называл других журналистов солдатами, которые отдадут честь проезжающему генералу (В. Е. 1818 г., XVIII, с. 125)[3], точно так же, как называл он Карамзина за его записку о достопамятностях московских – *плаксивою пташкою* (В. Е. 1818 г., No 13, с. 47). Потом принялся разбирать он предисловие к *Истории государства Российского*, насмешил всех этим разбором, рассердился, замолчал и открыл убежище критикам на Карамзина: все печаталось у него в *Вестнике*, все, и дошло до того, что в 1825 г. *История государства Российского* названа была – перифразою *Истории Щербатова* (В. Е. No 21, с. 21).

# Примечания

**Полевой Николай Алексеевич** (1796—1846) – критик, публицист, журналист, редактор и издатель «Московского телеграфа». Статья об «Истории государства Российского» – одно из принципиальных для Полевого выступлений. Она связана с работой над «Историей русского народа», первый том которой также вышел в 1829 г. Ранее в «Московском телеграфе» появлялись доброжелательные отзывы о Карамзине Вяземского, Сомова, хотя отрицательное отношение Полевого к «Истории...» Карамзина сложилось давно. Признавая заслуги Карамзина в собирании и приведении в порядок исторических материалов, «образцовость» его языка и слога, Полевой вместе с тем рассматривает его как писателя «прежнего поколения» и противопоставляет карамзинской «повествовательной» истории концепцию истории «философской», вытекающей из «одного общего начала». Полевой сделал вывод, что «История государства Российского» «в отношении истории, какой требует наш век», то есть с точки зрения «философ-

ско-исторической», является произведением «весьма неудовлетворительным».

«Он осудил историческую концепцию Карамзина в целом, указал на отсутствие в „Истории государства Российского“ „одного общего начала, из которого истекали бы все события русской истории“. Неприемлемым было для него и стремление Карамзина приукрасить повествование за счет искажения в ряде случаев самой исторической правды. Несправедливым и ограниченным полагал он понимание автором „Истории государства Российского“ цели изучения прошлого как получения „архивной справки“ для правителей, дабы решать дела так, как их „прежде решали“, и назидание гражданам, что „зло всегда было, что люди всегда терпели, почему и им надобно терпеть“. В вышедшем вслед за статьей первом томе „Истории русского народа“ Полевой противопоставил свое понимание содержания исторической науки и исторического процесса исторической концепции Карамзина. Он принципиально расходился с автором „Истории государства Российского“ в самом понимании предмета исследования и

критиковал Карамзина за отсутствие изображения „духа народного“, пытаясь противопоставить истории государей историю своего народа» (Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 73—74).

«У Карамзина Полевой не находит идеи „философической истории“, жалуется, что Карамзин „нигде не представляет нам духа народного“, – писал Н. А. Энгельгардт. – Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних и т. д., и т. д., дабы могли бы наконец понять, что есть история? Как должно ее писать и что удовлетворяет наш век? Все это приобрело особую пикантность, когда Полевой приложил при No 20 „Телеграфа“ за 1829 г. следующее объявление, доказывающее, что сам Полевой, этот „остренький сиделец“, по выражению Пушкина, все „узнал“, „оценил“, „соединил“, „понял“ и вполне созрел, чтобы написать историю России!

Доныне у нас не было истории великого



отечества нашего, которая, представляя вполне события, совершившиеся в русской земле, являла бы взорам просвещенного наблюдателя картину судеб России, в течение девяти с половиной веков, от начала русского народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины от незабвенного Карамзина, мы радовались его бессмертному творению, но преждевременная кончина не допустила историографа кончить труд великий. Мне казалось однакож, что при настоящем состоянии материалов и приготовленных трудов для русской истории, при совершенстве нынешних понятий об истории вообще, труд и желание сделать возможное по силам могут отчасти заменить великие таланты, и я осмелился писать историю отечества после Карамзина... Читатели увидят в сочиненной мною истории русского народа опыт полной истории отечества... Я хотел изобразить жизнь русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы, обычаи, так сказать, физиономию народа в каждом периоде, с того, в который дикий варяг приплыл на челноке своем к берегам Финского залива, до того, в который Алек-

сандр явился победителем в Париже, и знамена Николая возвеялись у врат Константинополя. Вот предмет, изображенный мною. Вся история русского народа составляет двенадцать томов.

Первый том вышел в том же году. Ни по языку, ни по изложению, ни по историческим достоинствам он ничего собою не представлял. Пушкин назвал его пародией на Карамзина. Он к тому же полон темной, высокопарной, мнимофилософской болтовни. История Полевого никогда кончена не была, что доказывало ложь его объявления о „сочиненной“, „изображенной“ уже „полной истории отечества“» (*Энгельгардт Н.А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800—1850. 2-е изд. СПб., 1913. С. 324*).

В своих исторических работах Полевой в известной мере опирался на труды французских историков Тьерри, Гизо и Минье, поставивших проблему борьбы классов, но, в силу своих собственных социально-политических убеждений, он не мог целиком исходить из этой проблемы в объяснении русского исторического процесса, которое оставалось по су-

ществу романтическим.»...Эклектизм Полевого сказался в том, что в его концепции исторического процесса прогрессивные буржуазные социологические идеи и теории оказались совмещенными с историческими идеями современной ему идеалистической философии, – точнее сказать: Полевой воспринимал исторические идеи Тьерри, Гизо и Минье в значительной степени сквозь идеалистическую и романтическую философию, и это обстоятельство обусловило противоречивость его концепции» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 281—282). В 1830 г. Пушкин, рецензируя первый том «Истории русского народа», отметил связь ее Введения со статьей («Вступление... писано темным изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в „Московском телеграфе“...») и полемически повернул против Полевого его похвалы карамзинскому «слогу»: «По крайней мере слог есть самая слабая сторона „Истории русского народа“... Искусство писать до такой степени чуждо ему (По-

левому. – *Сост.*), что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено». Статья вызвала и другие полемические отклики. Впоследствии Белинский отметил: «Статья была превосходно написана, мера заслуг Карамзина оценена в ней была верно, беспристрастно, с полным уважением к имени знаменитого писателя» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. С. 672*).

# Примечания

Впервые: Московский телеграф. 1828. Ч. 24. С. 372. Печатается по первой публикации.

[^^^]

## 2

Имеется в виду М. Т. Каченовский.

[^^^]

*Каченовский М. Т.* От Киевского жителя к его другу. Письмо 1: «Вышла *История государства Российского*, и тотчас господа редакторы журналов, каждый в свою очередь, отдали честь ей высокопарным приветствием, как военные караулы мимо едущему генералу отдают честь игранием на трубах или барабанным боем. Генерал проехал, и все затихло» (Вестник Европы. 1818. No 18. См. наст. изд.).

[^^^]